

А. М. БЕЛОВ

В. О. Ключевский как лектор (Из воспоминаний его слушателя)

Неряшливые, извилистые коридоры «нового» здания Московского университета полны гула и движения. Лекция только что кончилась, и студенты, высыпав из аудитории, толпятся за неимением каких-либо свободных помещений для рекреации, тут же в коридорах. Вот группа филологов о чем-то спорит оживленно, вот длинной вереницей направляются курильщики в душную курилку, вот несколько математиков, выхватив карандаши, тут же на крашеной известью стене выводят какую-то сложную формулу. Шум стоит изрядный.

Вдруг этот гул толпы покрывается треском аплодисментов. Строжайше запрещавшиеся в то время рукоплескания несутся откуда-то сверху и падают вниз сквозь широкие пролеты старинной чугунной лестницы. Шум наверху приближается, и вдруг на лестницу высыпает толпа студентов, окружая высокого черноволосого человека в форменном синеватом вице-мундире, с некрасивым, но в высшей степени умным и выразительным лицом. Покачивая портфелем, который он держит за верхний угол, человек в вице-мундире как-то плечом, словно робея, торопливо пробирается сквозь толпу окружающих его студентов, едва успевая отвечать на их вопросы. На пороге профессорской комнаты он останавливается, широко раскрывает свои черные, блестящие, как у лихорадочного больного, глаза, прикрытые очками, и, дав студентам просимые ими указания, с каким-то озабоченным видом скрывается за дверью.

То знаменитый профессор русской истории Василий Осипович Ключевский.

Потолкавшись в коридорах и поделившись впечатлениями, студенты, в ожидании дальнейших лекций, начинают разбредаться по аудиториям. Особенно густой поток их направляется по лестнице

к той аудитории, где Ключевский должен прочесть свою вторую лекцию. У дверей ее уже стоит педель, пропускающий в нее по билетам только тех, кто записался на курс русской истории. Но студенты напирают силой, педель не в состоянии проконтролировать все билеты, и толпа вваливается в аудиторию.

Одна из обширных аудиторий «нового» здания университета набита битком. Тут не только историки, но и математики, естествоиспытатели, юристы, не только первокурсники в новеньких с иголки мундирах, но и кончающие курс студенты — последние могикане, которым разрешено было по введению устава 1884 года донашивать свое штатское платье.

Вдруг вся аудитория поднимается, как один человек: к кафедре быстрыми шагами, но так же, плечом вперед, подходит Ключевский. Он не поднимается сразу на кафедру, а начинает лекцию, стоя внизу и держась за нее рукой. Лицо его вдруг сморщивается, глаза суживаются в щелку, из которых падает на студентов острый, как бы испытующий взор. «Я окончил изображение порядка, установившегося на Руси в XII веке, — раздается не громкий, но до всех доходящий басок. — Теперь я должен обратиться к более глубокой, более скрытой от глаз наблюдателя сфере жизни — к гражданскому правопорядку».

И, произнося эту вступительную фразу, профессор, как бы незаметно для самого себя, поднимается со ступеньки на ступеньку. Вот он, наконец, достиг кафедры и, облокотившись на нее левой рукой, стоя начинает дальнейшее изложение прожитой жизни старой Руси, лишь изредка взглядывая в лежащий перед ним листок.

Четверть века прошло с тех пор, как я имел счастье слышать лекции этого замечательного ученого. Много с тех пор приходилось мне видеть лекторов, не исключая и таких, которые считаются специалистами в искусстве чтения, но такого, как Ключевский, я никогда уже не слыхивал. У Ключевского были не лекций, а вдохновенные импровизации (так, по крайней мере, казалось со стороны). Ключевский был настоящим художником слова, быть может, бессознательным артистом, который глубоко переживал все то, о чем он говорил, и отражал эти переживания на своем некрасивом, дьячковского типа лице. Вот это лицо приняло строгое, холодное выражение. Голос звучит ровно и покойно. Профессор излагает вещь очень сухую — систему поборов, которую был опутан простой человек в Московской Руси. «Русский человек, — говорит Ключевский, — мог беспощадно только родиться и умереть». Вдруг в его глазах зажигается веселый огонек, редкая бородка, растущая

на острие подбородка, вздрагивает, как бы от внутреннего смеха, и с уст срывается добродушная насмешка. «Это была, конечно, финансовая непоследовательность, исправленная, впрочем, духовенством». То и дело это крайне подвижное лицо принимает ироническое выражение, глаза сощуриваются, и по аудитории пронесется какой-нибудь меткий сарказм, вызывая невольный смех на всех скамьях.

В течение одной и той же лекции лицо и тон Ключевского беспрестанно менялись в зависимости от того, что он говорил. Эта мимика и голос до такой степени врезывались в память, что слушатели уносили в памяти всю лекцию, хотя иногда вопрос разбирался очень сложный.

В зависимости от материала, иногда у него вся лекция была выдержана в одном, так сказать, настроении. Что такое, как не сплошной сарказм, например, его лекция о Петре III, где так и слышится голос бытового русского человека, оскорбленного появлением этого случайного гостя русского престола? «В лице своем он (Петр III), — говорил профессор, — совмещал двух великих врагов XVIII века: он был внук сестры Карла XII и сын дочери Петра Великого. Такое капризное происхождение грозило ему опасностью со временем сесть за раз на двух престолах: на шведском и на русском. Сначала его готовили к первому и для этого заставляли усердно учить латинскую грамматику, шведский язык, лютеранский катехизис. В Петербурге он бросил латинскую грамматику и лютеранский катехизис и начал прилежно учиться русскому языку и православному катехизису. Перемена системы воспитания и внешней обстановки разрушительно подействовала на его от природы не бойкие способности. Его учили стольким разнообразным предметам, внушали столько различных понятий, что он кончил тем, что не научился ничему и не приобрел никаких твердых понятий» — так начинается эта блестящая характеристика.

У Ключевского внешняя форма лекции всегда была в строгом соответствии с ее внутренним содержанием и, например, хаос и бестолковщина Елизаветинского времени внешним образом воплощены у него в ряд самых неожиданных и непредвиденных противоположений, антитез, на которых построена вся лекция. «Елизавета, — говорил Ключевский, — была веселая и набожная царица: от вечерни ездила на бал, а с бала к заутрене. Вечно вздыхая по иноческой жизни, она оставила после себя гардероб в несколько тысяч платьев. Она имела огромное влияние на судьбу Западной Европы и умерла с убеждением, что в Америку можно попасть

сухим путем. Даже невежественных современников своих она поражала недостаточностью своего образования и основала первый в России университет. Она была по щекам своих фрейлин и во все царствование не отрубила голову ни одному преступнику».

Но о чем бы ни говорил профессор своим слушателям, в его словах всегда звучал один лейтмотив, который красной нитью проходит по всем его рукописным и печатным курсам — это чувство гражданского долга перед родиной, врожденное и воспитанное в Ключевском общественным движением шестидесятых годов. Чем ближе подходил он в своем изложении к нашему времени, тем громче звучал у него этот мотив, пока в конце курса не завершался таким аккордом: «Вы должны, — говорил профессор, напутствуя своих слушателей на практическую работу, — вы должны прежде всего приняться работать своим умом вместо пассивного усвоения плодов чужого ума. Эта работа должна направиться на проверку усвоенных вами чужих идей и внимательное изучение русской действительности. Поколение, которое воспитывалось под влиянием реформ Александра II, до боли чувствовало настоятельность разрешения той и другой задачи, но надо признаться, что это поколение, к которому принадлежит и говорящий, доселе плохо разрешало свои задачи, и, надо думать, сойдет с поприща, не разрешивши их, но оно сойдет с уверенностью, что вы и те, которых вы будете воспитывать, разрешите их за нас».

Все слышавшие этот завет учителя, наверно, помнят тот чисто юношеский жар, тот подъем чувств, с которым он обращал к ним свои последние слова.

Под свежим впечатлением утраты Ключевского пытался я охарактеризовать неподражаемого лектора. Мне было бы весьма прискорбно, если бы кто-нибудь из прочитавших эти строки вообразил себе Ключевского каким-то трибуном, старавшимся действовать с кафедры лишь на молодую восприимчивость. Одно время такое фальшивое представление было в большой моде. Нет, Ключевский был прежде всего настоящий и крупный ученый. От него, так сказать, веяло строгой наукой. Достаточно было прослушать одну лекцию Ключевского, чтобы устранить в себе всякое сомнение в том, действительно ли история наука, а не простое описание давно совершившихся событий. Перед слушателями не только проходили прошлые факты, но обнажался, так сказать, стихийный процесс роста русского народа и его государственных форм. Слушая Ключевского, трудно было отделаться от само собой возникавшей мысли: да, это было именно так и иначе быть не могло.

Кончая свои воспоминания, я хотел бы добавить два слова о Ключевском вне университета.

В. О. Ключевский вел жизнь весьма уединенную, всецело посвященную любимой им науке. Студенты к нему не ходили. Может быть, это происходило от того, что у администрации Ключевский давно был на дурном счету, и положение его ухудшилось бы еще более, если бы к нему потянулись толпы паломников. Другой причиной было нежелание пускать посторонних в свою ученую лабораторию.

Вернувшись из Абас-Тумана, куда он был приглашен читать лекции покойному великому князю Георгию Александровичу¹, Ключевский купил для себя в конце города, в Замоскворечье, небольшой дом-особняк с большим липовым садом и последние годы жил в уединении, работая над своими курсами.

Мир праху твоему, незабвенный учитель!

